

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Рассмотрены вопросы процессуального положения оперативно-розыскных органов в системе действующего уголовно-процессуального законодательства. Проанализированы отдельные моменты осуществления оперативными аппаратами, как органами дознания, процессуальных функций возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий. Сформулирована позиция относительно возможности и целесообразности наделения оперативных органов подобной компетенцией.

Ключевые слова: уголовный процесс, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, возбуждение уголовного дела, производство неотложных следственных действий.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство относит органы, осуществляющие ОРД к органам дознания, именуя их *органами исполнительной власти, наделенными в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению ОРД* (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Часть 2. ст. 40 УПК РФ определяет процессуальные полномочия органов дознания, возлагая на них производство расследования в форме дознания в порядке, установленном гл. 32 УПК РФ, производство неотложных следственных действий, согласно ст. 157 УПК РФ, а также осуществление иных полномочий, предусмотренных Кодексом. Таким образом, становится очевидным, что оперативно-розыскные органы могут реализовывать себя и на процессуальном поприще, то есть полноправно, в рамках действующего законодательства, исполнять обязанности участников уголовного судопроизводства, проводящих расследование. В первом случае оперативный сотрудник вправе выступать в роли самого дознавателя, если начальник органа дознания уполномочит его на производство данной формы расследования (п. 7 ст. 5, ч. 1 ст. 41 УПК РФ), во втором – производить неотложные следственные действия в качестве должностного лица органа дознания (п. 2 ч. 2 ст. 40, ст. 157 УПК РФ).

Как нам представляется, орган, осуществляющий непроцессуальные (оперативно-розыскные) функции, не должен изначально по своей юридической природе находиться в структуре чисто процессуального аппарата, а уж тем более выполнять функции этого органа в полном объеме, заменяя собой лицо, ведущее расследование.

Это противоречит требованиям теории организации, предполагающим функциональную дифференциацию внутри самой системы уголовной юстиции. Ведь было бы абсурдно наблюдать, как закон «Об ОРД» предусматривает органы предварительного расследования в качестве участника оперативной направленности. Позиция же уголовно-процессуального закона в данном случае скорее всего обусловлена дублированием многолетнего исторического опыта функционирования оперативных и следственных служб в едином органе уголовной юстиции, при котором оперативные аппараты зачастую выполняли следственные функции, в силу чего нередко и отождествлялись с ними.

Общеизвестно, что «по своему месту в системе правоохранительных органов и содержанию деятельности дознание всегда находилось на грани уголовно-процессуальной и розыскной либо административной деятельности» [1, с. 79]. Со временем «границы между дознанием и следствием стали стираться, и на дознание была распространена та функция, которая устанавливалась законом для предварительного следствия» [1, с. 80], тем не менее, присущие ему оперативные полномочия настолько глубоко закрепились в этом институте, что и по сей день зачастую отождествляются с органами дознания и их деятельностью как в законодательстве, так и в научной литературе.

Однако вполне очевидно, что ОРД и уголовное судопроизводство не тождественны друг другу, вследствие чего, полагаем, что и субъекты их осуществления не могут находиться в составе единого процессуального аппарата.

Очень примечательно в этом отношении высказывание А. В. Земсковой о том, что «упоминание в УПК РСФСР и УПК РФ об оперативно-розыскных мерах как элементе процессуальной компетенции органов дознания стало анахронизмом» [2, с. 87].

Необходимо отметить, что еще семнадцать лет назад, на закате разворачивания процесса правовой «перестройки», принятая Концепция судебной реформы РСФСР выделила и признала разновидности деятельности правоохранительных органов, отнеся к ним *ОРД и расследование* как отдельно существующие области. Ею же были закреплены принцип построения системы уголовной юстиции правового государства, предусматривающий *недопустимость возложения на один и тот же орган выполнения различных видов деятельности*, а также идея *правового разграничения процессуальной и непроцессуальной (оперативно-розыскной) деятельности*. В Концепции уголовно-процессуального законодательства РФ также констатировалось, что процессуальная форма советского типа недопустимо эволюционировала в направлении сращивания уголовного процесса с ОРД. Остается только надеяться, что данные положения Концепций все-таки найдут свое достойное отражение в системе функционирования нынешнего уголовного судопроизводства. Подобные преобразования явились бы первым шагом на пути правового разграничения процессуальной и непроцессуальной составляющей уголовной юстиции, определили бы дискретную роль оперативно-розыскных органов и органов предварительного расследования, а также, на наш взгляд, во многом способствовали бы повышению уровня эффективности досудебного производства по уголовным делам, обеспечивая каждому субъекту антикриминальной политики свой правовой «путь» деятельности.

Нам представляется, что любой оперативный сотрудник в силу специфики выполняемой им работы не сможет в одночасье «надеть мантию дознавателя или следователя» и качественно действовать от их имени. Он должен быть в своем, оперативно-розыском, направлении «профи», а следователь в своем – уголовно-процессуальном. Другими словами, в ныне действующей системе борьбы с преступностью обязана существовать некая *профессиональная специализация*, например, аналогичная врачебной. Оче-

видно, что врачи разных квалификаций никогда не смогут качественно подменить друг друга. Во всяком случае, думается, никто бы не решился пойти на прием к врачу – окулисту, узнав, что его заменяет (хоть даже и по объективным причинам) врач – патологоанатом. И пусть подобный довод не совсем адекватно может быть воспринят в работе юридического характера, однако мы полагаем, что он наиболее ярко позволяет обозначить выдвинутую нами позицию. К тому же относительный знак равенства между правоохранительными органами и органами здравоохранения поставить все-таки можно, ведь потребность общества в их создании была скорее всего продиктована единой целью. Целью санации «болезненных проявлений», возникающих в социальной жизни, которые именуются в правовой литературе криминальными конфликтами, преступлениями, правонарушениями и т. п. Их-то и призваны выявлять, предупреждать, а в необходимых случаях и «лечить» правоохранительные органы с тем, чтобы здоровый баланс общества смог восстановиться. Говоря юридическим языком, с тем, чтобы была достигнута социальная справедливость: правонарушитель понес законное наказание, а пострадавшему был возмещен вред. И вот здесь-то, как раз качество и эффективность данной деятельности будут зависеть от субъекта, ее осуществляющего. «Каждый взаимодействующий субъект, – отмечали по этому поводу С. В. Лаврухин и В. М. Юрин, – по общему правилу, выполняет те действия, в производстве которых он наиболее компетентен. Это положение в общем-то не отличается особой новизной и вытекает из научной организации труда» [3, с. 168].

Не случайно в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка предписано, что «нормы как таковые, не будут иметь практической ценности до тех пор, пока их содержание и значение посредством обучения и подготовки и путем осуществления контроля не станут частью кредо каждого должностного лица по поддержанию правопорядка». В п. 5 Каракасской Декларации также подчеркивается, что «государствам-членам следует обеспечить, чтобы лица, на которых лежит ответственность за функционирование системы уголовного правосудия на всех уровнях, обладали надлежащей квалификацией для выполнения стоящих перед ними задач...».

Д. И. Бедняков, еще в начале 90-х годов XX века справедливо отмечал, что недостаточный уровень профессионального мастерства работников правоохранительных органов, помимо других немаловажных причин, является одним из факторов, обуславливающих негативную динамику роста преступности в стране [4, с. 15].

Полагаем, что специфика уголовного судопроизводства должна характеризоваться не только обеспечением охраны прав и свобод граждан, но и гарантией их равенства в этой сфере. Так, почему же тогда государство позволяет существовать в ней подобным взаимозаменяющимся элементам? Вполне очевидно, что «какими бы профессиональными качествами не обладал оперативный сотрудник, он не может знать всей системы доказывания по уголовному делу и, производя следственные действия, может допустить процессуальные или тактические ошибки» [5, с. 107], а они, несомненно, скажутся на качестве произведенного расследования. Думается, что это может быть выгодно только стороне защиты, находящейся в ожидании очередных «процессуальных оплошностей», которые можно будет использовать в своих целях.

Необходимо отметить, что многими учеными-юристами не раз высказывалось мнение относительно нецелесообразности представления оперативным органам каких-либо процессуальных функций. Так, С. И. Гирько связывал причины неэффективности обнаружения и раскрытия преступлений, существенные ограничения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве с возможностью самостоятельного возбуждения сотрудниками оперативных подразделений уголовных дел [6, с. 118, 157]. Другие же, напротив, приветствовали «синтез оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных полномочий органов дознания». «Положения ст. 118 УПК РСФСР, – писал М. П. Поляков, – возлагающие на органы дознания принятие необходимых оперативно-розыскных мер, рассматривались как указания на необходимость сближения процессуальных и непроцессуальных методов» [7, с. 72]. Несомненно, это так, однако, полагаем, что если бы закон предусматривал оперативно-розыскные органы в качестве отдельного субъекта, а не составляющей единицы органа дознания, и уполномочивал его принимать данные меры, цити-

руемая норма выглядела бы намного авторитетнее и реальнее бы обеспечивала правовое положение оперативных подразделений в сфере уголовно-процессуальных отношений.

Полномочия выполнения непроцессуальных (оперативно-розыскных) мер, по нашему мнению, не должны возлагаться на соответствующие органы уголовно-процессуальным законом. С ними в достаточной степени справляется и сам закон «Об ОРД».

Так как оперативные подразделения так или иначе принимают участие в уголовно-процессуальных отношениях, их обязанность в этой сфере, на наш взгляд, должна заключаться в предоставлении результатов этой деятельности, а также в иных формах информационно-организационного взаимодействия, но никак не в общей подмене лица, ведущего расследование, без каких бы то ни было ограничений по вступлению в данные правоотношения.

Конечно, с другой стороны, ситуация может сложиться таким образом, что следователь или дознаватель по тем или иным причинам не смогут реализовать свои функции на начальном этапе уголовного судопроизводства и их заменит какой-нибудь сотрудник органа дознания, пусть даже и из оперативного отдела. Такой «подстраховочный вариант работы» оперативных подразделений ранее содержался и в Приказе МВД РФ от 20.06.96 г. № 334 «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений», п. 4.1.7 которого гласил, что уголовные дела о преступлениях, по которым обязательно производство предварительного следствия, оперативные работники могли возбудить и провести по ним неотложные следственные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, когда необходимо было пресечь преступление либо следователь не мог немедленно приступить к расследованию, а промедление в реагировании на сообщение о подготавливаемом или совершенном преступлении могло привести к утрате возможности задержания виновных с поличным, получения важных доказательств и обеспечения полного возмещения материального ущерба. В этих случаях орган дознания нес ответственность за обоснованность принятых им решений и объективность собранных доказательств.

В ныне действующем Приказе МВД РФ от 26.03.08 г. № 280дсп «Об утверждении Положения об организации взаимодействия подразделений ОВД РФ при раскрытии и расследовании преступлений», который заменил вышеназванный ведомственный нормативно-правовой акт, не содержится упоминания о том, что сотрудники оперативных подразделений наделены правом принятия решения о возбуждении уголовного дела и производству неотложных следственных действий. В нем последовательно излагается процедура информационно-организационного взаимодействия следователя и оперативного работника на этапе поступления сообщения о преступлении (Раздел III); на стадии документирования преступной деятельности до возбуждения уголовного дела (Раздел IV); в период производства оценки результатов ОРД (Раздел V); в процессе расследования преступлений (Раздел VI). При этом в каждом из этих этапов речь идет о конечной передаче сформированной оперативно-розыскной информации в «руки» следователя, с тем, чтобы он принял окончательное решение о возможности использования результатов ОРД в уголовно-процессуальных целях. В частности, согласно положению п. 29 данного Приказа, «сотрудник оперативного подразделения, получив информацию от руководителя следственного подразделения (дежурного следователя) о наличии в материалах ОРД оснований для возбуждения уголовного дела, в соответствии с подследственность представляет в установленном порядке результаты ОРД для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Однако следует заметить, что в практической деятельности факты принятия решения о возбуждении уголовного дела (либо об отказе в возбуждении) и производства неотложных следственных действий сотрудниками оперативно-розыскных органов все же имеют место быть. Поэтому мы в очередной раз вполне обоснованно можем поставить вопрос о том, насколько профессионально в данных ситуациях способен заменить оперативный сотрудник следователя? Качественно ли он проведет расследование? И вообще, заинтересован ли он в том, чтобы делать несвойственную ему работу? Остается только догадываться. При этом думается, что на догадки и предположения время тратить крайне нецелесообразно, ведь, как известно, именно

первичный этап расследования во многом определяет дальнейшую судьбу уголовного дела – будет ли производство по нему успешно завершено или нет. «Достаточно сказать, что от 70 до 80 % доказательств, приводимых в обвинительных заключениях следователей и приговорах судов, относятся к числу собранных именно в этот период» [8, с. 4].

Законодательство, заботясь, естественно, о качестве и эффективности расследования преступлений, в некоторых случаях устанавливает, что данную функцию должны исполнять наиболее профессионально подготовленные должностные лица. Так, в частности, Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях предусматривает, что на стадии возбуждения уголовного дела полномочия по приему, проверке и принятию соответствующих решений по сообщениям о преступлениях возлагаются начальником *органа дознания* или его заместителем на *должностных лиц этого же органа с учетом степени их юридической подготовки*. Эту позицию, пусть даже и изложенную в ведомственном приказе, мы только приветствуем, однако в понятие юридической подготовки необходимо, по нашему мнению, вкладывать более глубокий содержательный компонент, предусматривающий как наличие соответствующего практического опыта, так и специализацию в принятии подобных решений. В условиях же нынешнего кадрового обеспечения органов дознания признаки должной юридической квалификации зачастую, по нашему мнению, скорее отсутствуют, нежели наоборот.

Так, по данным А. Б. Соловьева, «прокурорские проверки и проводимые научными сотрудниками исследования показывают, что работники органов дознания хуже следователей проводят следственные действия, направленные на обнаружение и закрепление следов преступления. Во многих случаях... сотрудниками органов дознания не обеспечивается своевременность расследования и надлежащее качество выполнения следственных действий. Вот почему, – писал автор, – следователю целесообразно принять дело к производству и использовать помощь органа дознания в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 38 УПК РФ» [9, с. 27-28].

Качество предварительного расследования, – отмечала Н. С. Манова, – осуществляет-

мого органами дознания, является низким, доказательств собираются с существенными нарушениями требований УПК... Обобщение практики показывает, что около 23 % доказательств, полученных сотрудниками оперативных служб органа дознания по делам, переданным впоследствии следователю, признаются в ходе судебного разбирательства недопустимыми. Эти цифры говорят сами за себя и не нуждаются в каких-либо комментариях [1, с. 83].

На наш взгляд, наделять подобной процессуальной компетенцией расследования оперативно-розыскные органы необходимо лишь в исключительных случаях, когда органы предварительного расследования реально не могут обеспечить реализацию первичного этапа уголовного судопроизводства.

Схожую точку зрения, касающуюся возможности производства оперативными органами неотложных следственных действий, обосновывал в своей работе В. И. Зажицкий. «Оперативный сотрудник органа, осуществляющего ОРД, – указывал он, – вправе возбудить уголовное дело о преступлении, по которому предварительное следствие обязательно, и провести неотложные следственные действия лишь в случаях, когда необходимо немедленно пресечь преступление, а следователь ввиду объективных причин сделать это не может» [10, с. 225-226]. В идеале, думается, подобные ситуации должны разрешаться другими способами, исключаящими производство замены органов предварительного расследования оперативными службами. В частности, действительный выход из положения представляется нам в увеличении штатной численности следователей и дознавателей всех подразделений, объединенных в едином органе предварительного расследования – Федеральной службе расследования РФ.

Идее создания подобной службы уже более 20 лет. Она не раз становилась предметом научно-практических дискуссий, но наиболее приближены к ней правоохранные органы были в апреле – мае 2001г. при подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению, о чем свидетельствует текст данного законопроекта, п. 2 ч. 1 ст. 151 которого предусматривал, что предварительное следствие должно осуществляться следователями Федеральной службы расследования. Однако в результате занятой Генеральной прокуратурой РФ негативной позиции по

этому вопросу образование данного органа уголовной юстиции в очередной раз было отложено. Примерно в это же время был подготовлен и внесен в Государственную Думу депутатами И. Ю. Артемьевым и С. В. Иваненко законопроект ФЗ РФ «Об органах предварительного следствия в РФ», предусматривающий создание органов предварительного следствия как самостоятельного ведомства – Федеральной службы расследований (ФСР). Причем целью данного законопроекта являлось именно *разграничение функций и ответственности органов предварительного следствия и оперативно-розыскных служб*, что, конечно же, всецело нами приветствуется.

Необходимо заметить, что в юридической литературе также не раз высказывалось мнение и об образовании в МВД единой специализированной службы дознания, которая бы уже не являлась органом, осуществляющим ОРД. Сотрудники этой службы должны были бы получить исключительное право производства дознания в виде полного расследования [1, с. 86]. Полагаем, что эта позиция ученых заслуживает поддержки. При этом, на наш взгляд, подобные чисто «процессуальные органы дознания» следовало бы создавать не в каждой структуре, уполномоченной осуществлять данные функции, а в моноцентричном органе – Федеральной службе расследования РФ. Внутри него действовало бы правило подследственности, упорядочивающее распределение уголовных дел между следователями и дознавателями. Должностные лица данной службы выполняли бы свои функциональные обязанности в соответствующих правоохранных органах в зависимости от территориальной, предметной и субъектной определенности. Думается, это позволило бы максимально синхронизировать досудебное производство по уголовным делам, а также оптимально обеспечить выполнение процессуальных полномочий органов предварительного расследования в целом. Органы же, реализующие оперативно-розыскные функции, занялись бы своим, сугубо профессиональным делом, качественно обеспечивая процесс расследования преступлений дополнительными, познавательными ресурсами.

В этой связи очень интересно проанализировать и результаты проведенного нами интервьюирования сотрудников различных опера-

тивных подразделений Республики Башкортостан. Так, на поставленные вопросы о возможности и целесообразности осуществления уголовно-процессуальных функций органами, осуществляющими ОРД, голоса респондентов распределились следующим образом: 17 % сотрудников оперативных аппаратов вообще не знали о существовании подобной компетенции оперативно-розыскных органов; 25,5 % – затруднились выразить свое отношение к ней; 47,5 % – относятся к данным полномочиям негативно, так как при их исполнении возникают «сложности расследования и направления уголовных дел в суд», а также вследствие того, что они «мешают выполнять оперативным сотрудникам их прямые обязанности»; 10 % – выразили свое положительное отношение к подобной компетенции, так как она «позволяет проявлять им свою самостоятельность и дает возможность закрепить следы преступления «по горячим следам» (преимущественно оперуполномоченные районных подразделений различных оперативных служб Республики Башкортостан, сотрудники отделов по борьбе с экономическими преступлениями, а также сотрудники исправительных учреждений ГУФСИН РФ по Республике Башкортостан).

Думается, что в последнем случае стремление проявить самостоятельность некоторых оперативных работников, может быть, обусловлено и их нежеланием обращаться в органы предварительного расследования с просьбой о возбуждении уголовного дела, так как последние могут не усмотреть в представленной информации достаточных признаков преступления, вследствие чего отказать в возбуждении дела. А ведь, как известно, оценка показателей оперативной работы напрямую зависит от количества реализованных дел оперативного учета.

Что же касается возможности действия «по горячим следам» в отсутствие следователя или дознавателя, то в этом случае, исходя из нынешнего организационно-кадрового обеспечения органов предварительного расследования, мы усматриваем определенный рационализм, допуская все-таки, что подобная ситуация может иметь место. Вследствие этого, как было сказано выше, предлагаем установить компетенцию оперативных служб в исключительных случаях (при невозможности следователя или дознавателя вступить на данном этапе в уголовно-

процессуальные отношения) проводить расследование уголовных дел в виде дознания и производства неотложных следственных действий.

По результатам проведенного опроса, 78 % оперативных сотрудников отрицательно ответили на вопрос о том, приходилось ли им производить неотложные следственные действия в рамках ст. 157 УПК РФ, а также расследование в форме дознания в порядке, установленном гл. 32 УПК РФ; 17 % опрошенных показали, что иногда им доводилось проводить расследование «в основном по уголовным делам экономической направленности» (сотрудники отделов по борьбе с экономическими преступлениями), «по преступлениям, совершенным на территории исправительных учреждений» (сотрудники оперативных отделов исправительных учреждений), «по различным видам преступлений» (сотрудники районных отделов ОВД Республики Башкортостан).

В этой связи опять же хотелось бы заметить, что в подобных ситуациях вряд ли можно всегда обоснованно говорить о необходимости производства расследования оперативными службами. Эти доводы скорее всего могут носить организационный характер. Что мешает дежурному дознавателю или следователю выехать на место происшествия, а впоследствии решить вопрос о возбуждении дела, даже если это «место» определяется территорией исправительного учреждения? Что может не позволить органам предварительного расследования произвести расследование по уголовному делу, возбужденному по признакам преступлений, предусмотренных Разделом 8 УК РФ (Преступления в сфере экономики)? Думается, что только проблемы практического взаимодействия, а они ни в коем случае не должны быть определяющими в разрешении подобных вопросов. Что же касается районных отделов ОВД Республики Башкортостан, то свое мнение относительно разумного расширения штатной численности дознавателей и следователей мы уже высказывали. Полагаем, они во многом бы способствовали искоренению данных ситуаций.

Таким образом, мы постарались изложить часть собственной позиции относительно процессуального положения органов, осуществляющих ОРД в уголовном судопроизводстве, а также возможности и целесообразности выполнения ими отдельных процессуальных функций

по возбуждению уголовного дела и производству неотложных следственных действий. Не претендуя на абсолютизм изложенной информации, хотелось бы отметить, что она нашла

должную поддержку в среде практических работников по результатам проведенного авторами опроса.

15.02.2012

Список литературы:

1. Манова Н.С. Предварительное и судебное производство: дифференциация форм. – М.: Приор-издат, 2004. – 176 с.
2. Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД РФ, 2002. – 393 с.
3. Лаврухин, С.В., Юрин В.М. Проблемы оптимизации обнаружения преступлений // Правоведение. 1998. № 1.
4. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М.: Юрид. лит., 1992. – 208 с.
5. Халиков А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 176 с.
6. Гирько С.И. Деятельность милиции в уголовном процессе. – М.: Экзамен, 2006. – 558 с.
7. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под научн. ред. проф. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – 262 с.
8. Соловьев А.Б. Следственные действия на первоначальном этапе расследования преступлений. – М., 1994. – 104 с.
9. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Власова Н.А. Общие условия предварительного расследования. Монография. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 27-28. – 144 с.
10. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. – СПб.: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс». – 449 с.

Сведения об авторах: **Каац Марина Эвальдовна**, преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук
450091, г. Уфа, ул. Муксинова-2, E-mail – renatnasir@mail.ru.

Насыров Ренат Рабисович, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности в ОВД Уфимского юридического института МВД России
450091, г. Уфа, ул. Муксинова-2, E-mail – ren127@mail.ru

UDC 343.13

Kaats M. E., Nasyrov R.R.

Ufa law institute MVD of Russia, renatnasir@mail.ru

SEPARATE POSITIONS OF THE PROCESSIONAL STATUS OF THE BODIES WHICH CARRY OUT OPERATIVE-DETECTIVE ACTIVITY IN THE SYSTEM OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

The article considers questions of processual position of operative-detective bodies in the system of the operating criminal-processional legislation. Several moments of realization of processual functions of bringing a criminal action and performing of urgent investigatory actions by operative staff, as inquiry bodies, are analyzed. The position concerning possibility and reasonability of operative bodies is formulated by the similar competence.

Keywords: criminal procedure, the bodies which carry out operative-detective activity, bringing a criminal action, performing of urgent investigatory actions.

Bibliography:

1. Manova N.S. Preliminary and judicial procedure: differentiation of forms. – M: Prior-izdat, 2004. P. 79.
2. Zemskova A.V. Theoretical basis of use of results of operatively-detective activity at investigation of crimes: Th. of DLS. – M: ARSRI of the MIA of the RF, 2002. P. 87.
3. Lavrukhin, S.V., Yurin V.M. Problems of optimization of detection of crimes//Jurisprudence. 1998. № 1. P. 168.
4. Bednyakov Non-procedural information and investigation of crimes. – M: Law. Lit., 1992. P. 15.
5. Khalikov A.N. Features of investigation of bribe taking by the officials of law enforcement bodies. – M: LawLitInform, 2006. P. 107.
6. Girko S.I. Activity of militia in criminal trial. – M: Examination, 2006. P. 118, 157.
7. Polyakov M.P. Criminal-processional interpretation of results of operatively-detective activity: Monograph / Under the editorship of Prof. V.T. Tomina. – N.Novgorod: the Nizhnyy Novgorod legal academy, 2001. P. 72.
8. Solovyov A.B. Investigatory actions at the preliminary stage of investigation of crimes. – M, 1994. P. 4.
9. Solovyov A.B., Tokareva M. E, Vlasova N.A. General conditions of preliminary investigation. The monograph. M: LawLitInform, 2005. P. 27-28.
10. Zazhitsky V.I. Results of operative-detective activity in criminal legal proceedings. – SPb.: R.Arslanova's publishing house «Legal centre the Press». P.222-224.